

УДК 82.09 (575.2) (04)

АНТИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ Н.В. ГОГОЛЯ

Л.В. Иванова

Античность рассматривается как несравненный образец, источник, из которого Н. Гоголь на протяжении всего творческого пути черпал эстетические идеалы.

Ключевые слова: античность; эстетический идеал; романтизм; неогуманизм; комическое; иронический контраст.

В литературном развитии средневекового и нового времени античность была творческим источником, из которого черпались темы и принципы художественной обработки. В непосредственном общении с античной литературой создавалась европейская литература в эпоху Возрождения, в период классицизма ориентация на античность являлась литературным лозунгом. Во второй половине XVIII в. в связи с изменением общественной ситуации на первый план выдвинулись совершенно новые стороны античной культуры, ее политическое и гражданское содержание. “Во Франции все искусство революции ... было облачено в античное одеяние... драпировалось то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи” [1]. В Германии античность воспринималась как республиканский идеал, но на первый план все же выдвигалась не политическая, а эстетическая сторона идеала: “благородная простота и спокойное величие” античных образов. Античность рассматривалась как царство красоты и гармонии, блаженное детство человечества, воплощение “чистой человечности”. Знаменитый искусствовед И.И. Винкельман был основоположником этого неогуманистического направления. “Воссозданный И.И. Винкельманом образный мир античности стал источником вдохновения для литераторов, художников, искусствоведов уже на самых ранних этапах русской ”словесности и художеств”, а для многих одновременно и исходным пунктом культурно-философской рефлексии, позволившей им освободиться от диктата французского классицизма” [2].

Античный канон прекрасного стал путеводной нитью для русских писателей и художников на протяжении значительного периода времени.

Изучение и просто чтение памятников античной культуры вызывало наслаждение у русских критиков, писателей и поэтов, давало материал для размышлений, переводов и для оригинальных произведений в античном стиле. Освоение чужих культур стало одной из особенностей русского романтизма. Первая половина XIX в. ознаменовалась публикацией новых переводов древнегреческой литературы и, в частности, поэмы Гомера. Белинский считал, что “греческое творчество было освобождением человека из-под ига природы, прекрасным примирением духа и природы, дотоле враждовавших между собой. И поэтому греческое искусство облагородило, просветлило и одухотворило все естественные склонности и стремления человека...” [3].

В первой трети XIX в. в русскую литературу вошел Н.В. Гоголь, и, естественно, не избежал влияния романтизма. По словам Ю. Манна, когда в литературоведческой науке возникла необходимость сопоставления Н.В. Гоголя с широкими всеевропейскими явлениями, то среди последних обычно избирался немецкий романтизм. Эти сопоставления законны, но недостаточны. Исследователь считает, что на Гоголя оказала влияние немецкая классическая диалектика. Об этом свидетельствуют статьи писателя теоретического содержания, в которых он раскрывается не только как критик и публицист, но и как талантливый ученый, знаток этой философии. Главной заслугой Канта, Шеллинга, Гегеля и Окена, считал Гоголь, является то, что они соединяли “в единство великую область мышления” [4].

Идея соединения в единство истории и литературы всех времен и народов была заимствована им у Шлецера. В статье “Шлецер, Миллер

и Гердер” Гоголь хвалил Шлецера за то, что тот “первый почувствовал идею об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы” [5, 1]. В другой своей статье “О средних веках” утверждал, что “средние века – узел, связывающий мир древний с новым” [5, 1]. Древний мир, по Гоголю, – это и Древний Восток, и античность.

Н.В. Гоголь был не только уникальным прозаиком, но и критиком, публицистом, исследователем и методистом. Разносторонность его дарований еще не до конца оценена. Вместе с тем алфавитный указатель имен и названий, встречающихся в статьях, письмах, художественных творениях Н.В. Гоголя, занимает 30 страниц в восьмитомном собрании сочинений, список имен, относящихся к древнему миру, также не мал. Это имена полководцев, императоров, философов, поэтов, скульпторов и живописцев Древней Греции и Рима, а если к ним добавить еще мифологические имена, то можно с уверенностью сказать, что античная культура была хорошо знакома Гоголю, он четко осознавал античность как основу гуманитарного просвещения.

Одна из ранних статей Гоголя “Женщина” написана в форме воображаемого диалога, спора, который ведут знаменитый философ Платон и его юный ученик Телеклес. Гоголевский Платон преподает еще один урок неблагодарному Телеклесу, разочаровавшемуся в женской красоте как воплощении божественного начала: “Мы зреем и совершенствуемся; но когда? когда глуже и совершеннее постигаем женщину... Что женщина? – Язык богов!.. Она поэзия! она мысль, а мы только воплощение ее в действительности” [5, 1].

Идущее из античного мира учение о красоте, о том, что все прекрасное на земле есть проявление божественного, земное воплощение небесной красоты, оказало влияние на статьи Гоголя, посвященные искусствоведческим проблемам. Он считал, что украсить и усладить мир посланы “три чудные сестры” – скульптура, живопись и музыка, и предложил “первый кубок за здравие скульптуры!.. Она – оставшийся след того народа, который весь заключался в ней, со всем своим духом и жизнью. Она – ясный признак того светлого греческого мира, который ушел от нас в глубокое удаление веков, скрылся уже туманом и до которого достигает одна только мысль поэта” [5, 1].

В литературных произведениях Гоголя любовь и женская красота способны по-разному

раскрывать характеры персонажей. Герой романтической повести “Ночь перед рождеством” кузнец Вакула совсем “одурел” из-за любви к Оксане. Возлюбленная воплощает для него весь мир, ради нее он готов воспользоваться нечистой силой, чтобы выполнить ее прихоть – достать женские черевички, которые носит сама Екатерина II. Он способен преодолеть все преграды. Красота полячки приводит героя другой повести “Тарас Бульба” к самоотречению и предательству. “Мироощущение сурового героического века, правда товарищества сталкивается с личным чувством”. Но если “весь древний мир обратился в фимиам красоте” [5, 1], то мир, современный Гоголю, воспринимается им совсем по-другому. В этом мире господствует пошлость, и она задавила в людях живое и истинное. Так случилось с героями “Мертвых душ”, например, с Чичиковым, который увидел красавицу-блондинку по пути от Ноздрева: “Хорошенький овал ее лица круглился, как свеженькое яичко, и, подобно ему, белел какую-то прозрачно белизною...” [5, 6]. Во все продолжение проделок дяди Митяя и дяди Миняя Чичиков глядел очень внимательно на молодую незнакомку. «Он пытался несколько раз заговорить, но как-то не пришлось, – пишет Гоголь. – Попадись на ту пору вместо Чичикова какой-то двадцатилетний юноша, гусар ли он, или просто только что начавший жизненное поприще, – и боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило в нем!.. Но герой наш уже был средних лет и осмотнительно-охлажденного характера. Он тоже задумался, но не так безотчетны и даже основательны были его мысли. “Славная бабешка! – сказал он, открывши табакерку и понюхавши табак... Из нее все можно сделать, она может быть чудо, а может выйти и дрянь, и выйдет дрянь”» [5, 2].

Древняя Греция всегда оставалась для Гоголя очагом великой культуры. Об этом он писал в своей несовершенной юношеской поэме “Танц Кюхельгартен”: “Земля классических, прекрасных созиданий” [5].

Созданный в авторском воображении и мечтах его героев образ античной Греции передает восторженное восхищение: “О, как чудесно вы свой мир / Мечтою, греки, населили! / Как вы его обворожили...” [5].

Здесь звучит речь Эсхина, гремя и пламеня; блещет кисть Парразия, Зевкиса, порывисто звучат стихи Софокла; велик мраморный Парфенон с рядами дорических колонн, где великий Фидий поселил Минерву; древние греки изуча-

ют философию Эпикура, а вот и жена Перикла Аспазия и вакхические девы, обвитые плющом, бегут под звук тимпанов в священный лес. Явившийся в мечтах Ганца радостный античный мир, противопоставлен “бедному и сирому” современному миру.

В романтической поэме выражены размышления автора о жизни и назначении человека и на конкретной судьбе героя показано, как разбиваются мечты о высоком предназначении из-за душевной слабости и неспособности к серьезным свершениям. Как справедливо считает С. Машинский, Гоголь двойственно относится к своему герою. “С одной стороны, автор симпатизирует ему, делает его как бы выразителем своих собственных духовных исканий, но с другой – относится к нему иронически, подчеркивает его слабость и ограниченность” [6]. Полемика с персонажем свидетельствует о том, что Ганц не автобиографический герой, хотя в поэме явен отпечаток различных фактов нежинской биографии Гоголя и отзвуков современных ему политических событий – нового витка освободительной борьбы греческого народа против турецких захватчиков. Для Гоголя Греция – это “и славных дел, и вольности земля”. Его симпатии на стороне греков и выражено искреннее сожаление о том, что враги принесли не только гибель тысяч людей, но и разрушение исторических памятников античности.

Особое место в художественном мире Гоголя занимает Гомер. Такому детальному изображению действительности в ее мельчайших подробностях, скорее всего он научился у древнегреческого аэда. Гоголь был современником двух гениальных переводчиков “Илиады” и “Одиссеи” – Н. Гнедича и В. Жуковского. В “Выбранных местах из переписки с друзьями” есть седьмая глава “Об Одиссее, переводимой Жуковским” (Письмо к Н.М. Яз...ву), в которой Гоголь проявил себя талантливым литературоведом. Во-первых, он выразил свое негативное отношение к теории Вольфа и его последователей, которые видели в “Илиаде” и “Одиссее” собрание отдельных песен. Для Гоголя творческое единство поэм, принадлежащих одному поэту, несомненно: “Как глупы немецкие умники, выдумавшие, будто Гомер – миф, а творения его – народные песни и рапсодии” [5, 1]; во-вторых, Гоголь дал справедливую оценку “Одиссее”: “...«Одиссея»” есть решительно современнейшее произведение всех веков. Объем ее велик; “Илиада” перед нею эпизод. “Одиссея” захватывает весь древний мир, публичную и домашнюю жизнь, все попри-

ще тогдашних людей, с их ремеслами, знаниями, верованиями...” [5, 1]. Он попытался определить сам дух ее содержания и ее идею, что человеку везде, на всяком поприще, предстоит много бед, что нужно с ними бороться, – для того и жизнь дана человеку. Каждый из читателей почерпнет в ней то, что наиболее ему близко и понятно. Одни восхитятся ее поэтическими достоинствами, другие – поразятся раскрытием сокровищ древности в мельчайших подробностях, третьи изумятся необыкновенным познанием всех изгибов человеческой души.

Гоголь высоко оценивает качество перевода Жуковского: “Это не перевод, но скорее воссоздание, восстановление, воскресение Гомера. Перевод как бы еще более вводит в древнюю жизнь, чем сам оригинал. Переводчик незримо стал как бы истолкованием Гомера” [5, 1]. Можно тут засомневаться в объективности Гоголя, его отношение к Жуковскому – поэту и человеку – было дружеским. Жуковскому и Пушкину Гоголь был многим обязан. Современное литературоведение не такого высокого мнения о переводе Жуковского, в нем говорится о вторичности перевода, об использовании многих находок другого поэта – блистательного переводчика “Илиады” – Н. Гнедича.

Однако Гоголь справедливо оценил значение осуществленной многолетней работы Жуковского и выразил надежду на то, какое воздействие на развитие эстетического чувства критиков и поэтов окажет сама возможность причитать “Одиссею” на одном из полнейших и богатейших европейских языков – русском. Причем, по мнению критика, “«Одиссея» своей русской одеждой, в которую облек ее Жуковский, может подействовать значительно на очищение языка”, ибо у никого, “даже у Пушкина и Крылова, которые несравненно точнее его на слова и выражения, не достигала до такой полноты русская речь. Тут заключались все ее извороты и обороты во всех видоизменениях. <...> Здесь-то и увидят наши писатели, с какой разумной осмотрительностью нужно употреблять слова и выражения, как всякому простому слову можно возратить его возвышенное достоинство уменьем поместить его в надлежащем месте...” [5, 1].

В незавершенной “Учебной книге словесности для русского юношества” Н. Гоголь характеризовал основные поэтические жанры, а в некоторых случаях в качестве образца назвал античные имена. И это, конечно, Гомер, Вергилий, Гораций. Гомера он назвал великим патриархом, величайшим гением эпопеи и дал общую оценку

его поэм – это создание всемирное, принадлежащее всем народам и векам.

Осмысливая свой творческий опыт драматурга, Гоголь несколько раз ссылался на Аристофана. Например, в “Театральном разезде” один из любителей искусства доказывает свою точку зрения: “Да разве не есть это ее (комедии – прим. Л.И.) прямое и настоящее значение? Уже в самом начале комедия была общественным, народным созданием. По крайней мере, такую показал ее сам отец ее, Аристофан. После уже она вошла в узкое ущелье частной завязки...” [5, 1]. В статье “В чем же наконец существо русской поэзии...” Гоголь пишет: “Есть следы общественной комедии у древних греков; но Аристофан руководился более личным расположением, нападал на злоупотребления одного какого-нибудь человека и не всегда имел в виду истину: доказательством тому то, что он дерзнул осмеять Сократа. Наши комики (Фонвизин, Грибоедов – прим. Л.И.) двинулись общественной причиной, а не собственной, восстали не противу одного лица, но против целого множества злоупотреблений, против уклоненья всего общества от прямой дороги” [5, 1]. Интерес к Аристофану основывался сходством их художественной мысли. Гоголю близко было то стремление к крайнему обобщению, которое отличало древнюю аттическую комедию.

Как известно, контраст между мнимой значительностью героя и его истинным ничтожеством, между высказываемым благородством и подлинной низостью – источник комического в литературе. Гоголь со всей силой своего таланта углубил комизм, поднял его до сатиры не только в своих драматических произведениях, но и прозе. И в этом ему отчасти помогли античная мифология и литература. Манилов в “Мертвых душах” мнит себя носителем духовной культуры, когда-то во время службы в армии он считался образованнейшим офицером и человеком просвещенным, но это лишь видимость и целым рядом деталей Гоголь это подчеркивает. Например, выстроенная Маниловым беседка в греческом стиле (“С голубыми колоннами”) и названная “Храм уединенного размышления”. Этот гоголевский персонаж, у которого уже несколько лет книга раскрыта на 14 странице, занимающий свой досуг выкладыванием горок табака из трубки, сыновей назвал Фемистоклос и Алкид. Изысканные имена воспринимаются комически на фоне маниловского образа жизни и быта. В них прослеживается явный разнобой: с одной стороны, родовое имя мифологического героя Герак-

ла – Алкид, а с другой стороны – имя афинского государственного деятеля – Фемистокла в латинском переводе.

Ономастику Гоголя попытался исследовать Ю. Манн и пришел к выводу, что в ней ярко проявляется сатирическая ирония. Вспомним имена персонажей “Вия” – Хома Брут, Тиберий Горобец. В них скрывается противоположное: бытовое и высокогероическое [7]. Чичиков рассматривает дом Собакевича, и на стенах комнаты обнаруживает картины, на которых “все были молодцы, все греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками, с неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, разместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках” [5, 6]. Да, далеко эти “произведения искусства” от образцов высокой живописи, но они вывешены хозяином – существом, у которого в голове не шевелилась человеческая мысль. Вслед за римским драматургом Плавтом, а также Мольером и Пушкиным Гоголь создал гротесковый образ Плюшкина, вызывающий уже не смех, как герой плавтовской комедии “Горшок”, а омерзение от того, до какой пошлости и гадости смог дойти человек, превратившийся в “прореху на человечестве”!

Для иронического контраста, который стал важным приемом гоголевской сатиры, часто используются мифологические образы и имена античных поэтов. Вот перед нами предстает прavitель канцелярии в “Мертвых душах”: “Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди подчиненных... Прометей, решительный Прометей!”, и продолжает: “...превращение, какого и Овидий не выдумает”. А вот Чичиков спешит в гражданскую палату совершать купчую. “Он спешил не потому, – объясняет нам Гоголь, – что боялся опоздать, – опоздать он не боялся, ибо председатель был человек знакомый и мог продлить и укоротить по его желанию присутствие, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрые ночи, когда нужно было прекратить брань любезных ему героев или дать им средство додраться, но он сам в себе чувствовал желание скорее как можно привести дела к концу” [5, 6]. Из окон присутственных мест высовываются “неподкупные головы жрецов Фемиды” [5, 6], а взор идущих по коридору персонажей “не был поражен чистотою... Фемида просто, какова есть, в neglige и халате принимала гостей” [5, 6], “как

некогда Вергилий прислужился Данту” [5, 6], и автор иронически называет его “новый Вергилий”, а вот и “слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты” [5, 6].

“Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости”, – писал Н.В. Гоголь в “Выбранных местах из переписки с друзьями” [5, 1]. Вся творческая деятельность великого писателя была направлена на то, чтобы устремить общество или даже все поколение к прекрасному, а античность была для него несравненным образцом, источником, из которого он на протяжении всего творческого пути черпал эстетический идеал.

Литература

1. *Тронский И.М.* История античной литературы. – М., 2008.
2. *Смирнов А.К.* YU. Zappo-Danilevskiy. Gefühl für das Schöne: Yohann Yoachim Winckelmanns Einfluss anf Literatur und Asthetisches Denken in Russland. – Bohlau Verlag, Koln-Weimar-Wien, 2007 // Филологические науки. – 2009. – № 1.
3. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. – М. – Л.: АН СССР, 1953–1959.
4. *Манн Ю.* Гоголь – критик и публицист / Н.В. Гоголь. Собр. соч.: В 8 т. – Т. 7. – М., 1984.
5. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 8 т. – М., 1984.
6. *Машинский С.* Художественный мир Гоголя. – М., 1971.
7. *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. – М., 1978.